

ДЕТСКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ

Под *билингвизмом* (*двужазычием*) понимается явление, связанное с умением говорить и / или понимать на двух языках. Индивидуальный билингвизм может сочетаться с общественным билингвизмом, когда большие группы или даже целые страны говорят на двух языках. Конечно, все граждане не могут в одинаковой степени владеть двумя языками, но все-таки в определенных пределах сталкиваются с обоими, как это имело место в СССР и происходит в разных национально-территориальных образованиях в России. Обычно для таких сообществ важно, что ситуация сложилась исторически и существует на протяжении определенного времени. На трех языках говорят *трилингвы* (*трехъязычные*), на большем количестве языков – *мультилингвы* (*многоязычные люди*). Если языки усвоены в процессе школьного или иного специального обучения как иностранные, то говорят о *плюрилингвах* и *плюрилингвизме*. Поскольку в большинстве стран в школьные программы входит изучение хотя бы одного иностранного языка (наиболее часто – английского, французского, испанского, немецкого, русского), то плюрилингвами являются все люди, хотя и в разной степени. Бывают, например, двуязычные школы, в которых обучение иностранному языку поставлено так хорошо, что выпускники владеют им на очень высоком уровне, близком к владению родным языком.

Вышеперечисленные латинские по происхождению термины используются несколько иначе, чем греческие: *диглоссией* считают ситуацию, когда в обществе один язык используется в повседневном общении, а другой – в официальных ситуациях. В общем-то, таковы в той или иной мере все государства, потому что язык бюрократии и администрации отличается от быденного. Но подразумевается, что литературный язык отличается от языка или диалекта, которым пользуются в обществе. Таковы ситуации во многих немецкоязычных землях и странах, где по телевидению на диалектах говорят, например, только тогда, когда у какого-то человека, не занимающего

официальную должность, берут интервью, а пишут на диалекте только время от времени заметки в местной прессе. *Полиглоссией* называют овладение несколькими (не меньше чем пятью) языками в постпубертатный период (после полового созревания). *Полиглотом*, соответственно, в официальной терминологии, может стать не каждый, а только человек с особыми способностями, который умеет усваивать новые языки в большом объеме, за ограниченное время и пользоваться ими достаточно свободно. Старое греческое слово *диглоссос* (билингв) обозначало ребенка от смешанного брака, владеющего двумя языками с детства, соответственно, именно такие люди чаще всего становились переводчиками во времена, когда в школах еще не учили иных языков с целью общения.

С нашей точки зрения, следует избегать излишней новой терминологии, например, не использовать комбинации русских, греческих и латинских корней (что в сфере терминологии считается плохим стилем), а также различать слова «билингв» – человек, говорящий на двух языках, и «билигва» – книга с текстами на двух языках, обычно параллельными.

В русском языке нет устоявшейся терминологии в области многоязычия. основополагающая статья Л.С. Выготского «К вопросу о многоязычии в детском возрасте» // *Собрание сочинений*, М.: Педагогика, 1983, т. 3., 329-337 до сих пор является непревзойденным по дальновидности очерком преимуществ и недостатков двуязычного образования. Так, Выготский понимал, что изучение языков – не одномоментный, а длительный процесс, в котором нельзя обойтись без сознательных решений. Даже если на начальном этапе мотивация действует по принципу «здесь и сейчас» (ребенок учится потому, что в такие ситуации ставит его взрослый, например, разговаривая, играя, возя в места, где говорят на изучаемом языке), то в дальнейшем человек сам должен прикладывать усилия к тому, чтобы «освежать» свои знания, читать новую литературу, смотреть фильмы, общаться с представителями разных профессий и т.п. Эти вещи связаны с определенной тратой времени на занятия языком. Уже во времена Выготского, в 1920-е гг., говорили, что дети из

социально депривированных слоев населения, а среди них бывало много иммигрантов, хуже овладевают языком окружения, показывают низкие результаты в тестах. Неверно связывать такие показатели с двуязычием: этих детей, во-первых, не тестировали по их домашнему языку: возможно, они показали бы более высокие результаты. Во всяком случае, по совокупности умений на двух языках они оказались бы на хорошем уровне. Во-вторых, их родители, сами в недостаточной степени владеющие языком окружения, а то и вовсе неграмотные, плохо разбирающиеся в окружающем обществе, возможно, не умели и могли помочь детям разобраться с домашними заданиями, так что дети рано выпали из образовательной системы. В-третьих, тесты обычно составляются в определенной культуре и тестируют культуру большинства. При этом занятия в семьях иммигрантов часто отличаются от занятий в семьях доминирующей культуры: дети с детства учатся ухаживать за младенцами, стариками, участвуют наравне с взрослыми в посильных им занятиях, учатся шить и передавать одежду, знают не книги, а множество устно передаваемых историй о жизни родственников и предков, усваивают мораль выживания в нестабильных, иногда военных условиях, а не законы равенства общества всеобщего благополучия. Читать нужно учиться, прежде всего, для того, чтобы освоить религиозные тексты, например, Коран (он написан на арабском, хотя родным языком детей может быть какой-то иной). Выжить иммигрантам легче в коллективе, в общине, разделяющей одинаковые убеждения. Соответственно, и результаты тестов показывают, скорее, степень освоенности ими доминирующей культуры, а не уровень интеллектуального развития.

Л.С. Выготский подчеркивал, что в основу многоязычия должна быть положена правильно устроенная система преподавания языков, соответствующая общественной ситуации развития. И сам человек, и его близкие, и школьная, и вузовская система, и внутренняя и внешняя политика государства могут действовать в унисон, имея общие цели, и тогда эффект будет максимально удачным. Без выравнивания академических языковых умений (чтения, письма и коммуникации в широком смысле, т.е. не просто

самых навыков на механическом уровне, а содержания и привычек пользования ими), не будет качественного владения каждым из языков. Т.е. нужно не только знать, как складывать буквы в слова, но и что читать, где найти эти газеты, книги, журналы, как поместить новую, получаемую из них информацию, в общую картину мира, как применить полученные знания с пользой.

Понятие «родного языка» многими оспаривается, т.к. никакого «врожденного» языка нет, а любой новорожденный способен овладеть любым языком в мире, если окажется в соответствующей среде. Во многих языках есть термин «материнский язык», что тоже неточно, т.к. наиболее близким может оказаться и язык отца, и язык мачехи, и язык гувернантки. Часто предпочитают говорить о первом, втором, третьем и т.д. по времени усвоения языках, а также о двух первых, если они усваиваются одновременно. Если ребенок начинает изучать второй язык рано, но не с рождения, говорят об аддитивном двуязычии.

В обществе распространено мнение о том, что билингв – только тот, кто выучил два языка с детства. Считают, что идеальный билингв говорит на каждом из языков так, как полноценный носитель языка. Есть и те, кто полагает, что двуязычные люди сами должны определять, насколько хорошо они владеют каждым из языков. Множество случаев билингвизма говорит о том, что два языка никогда не равны ни по степени усвоенности, ни по эмоциональной окрашенности, ни по сферам употребления. Есть люди, для которых более активно употребляемыми и хорошо выученными являются не те языки, на которых с ними говорили в детстве родители, т.е. не материнский или отцовский, ни бабушкин или нянин, не детсадовский или язык улицы, а язык, скажем, школьного обучения или язык любимого человека. Билингвы сами должны решить, о чем им легко говорить, а о чем трудно, какие темы знакомы, а о каких они не имеют понятия.

Когда в одноязычном (монолингвальном) сообществе все говорят на одном языке, бедность лексикона, дефекты произношения, скудость языковых конструкций не очень бросаются в глаза. Вернее, для достижения высоких результатов в школьном обучении, в определенных профессиях или при

тестировании академических умений они играют отрицательную роль, но таких людей достаточно много и они теряются в толпе. Когда же эти недостатки соединяются с неполноценным овладением языком, такая ситуация вызывает недоумение, если не осуждение. Из-за этого многие склонны считать, что билингам на роду написано быть неумными и неуспешными. Этим людей клеймят позором: как можно было не выучить русский язык! Носители русского языка, считая свои языковые умения непреложной ценностью, ополчаются на тех, у кого был недостаточный доступ к языку, не интересуясь тем, что еще, кроме русского языка, они знают или что умеют делать. Факты опровергают эти кухонные разговоры: способные мультилингвы гораздо успешнее своих сверстников (но в этом случае отдельное спасибо их многоязычию никто почему-то не говорит). Дети, с детства учившие иные языки, в целом успешнее своих сверстников-монолингвов. Дети с недостатками развития допускают, возможно, дополнительные, по сравнению с одноязычными товарищами по несчастью, ошибки, обусловленные интерференцией (взаимопроникновением языков), но знают все равно больше, чем те. Как ни посмотри на проблему, правильно организованное обучение второму языку приносит пользу.

На представления о многоязычии люди часто переносят свой положительный или отрицательный опыт изучения иных языков: тот, кому с детства удалось лучше подготовиться к будущей профессии, поскольку он знал иные языки, кроме родного, считают, что это прекрасный старт. Тот, кто сам не успел, но видел, как этим преимуществом пользуются другие, желает того же для своих детей. Многие вынужденные переселенцы, не нашедшие себе применения на новом месте жительства, связывают свой неуспех с неудачным многоязычием: сидел бы себе дома, не говорил бы на других языках, ничего плохого бы не случилось. Среди тех, кто считает патриотизм высшим достоинством человеческой личности, есть тоже две категории: одни полагают, что знание иных культур приводит к убеждению, что своя лучше всех, к тому же ее можно обогатить лучшим, что сделано другими. Вторая группа полагает,

что иные культуры и языки не нужно изучать, т.к. все равно нет лучше своей собственной, а любое соприкосновение с враждебным миром нарушает изначальную целостность собственной жизни. Если люди не вложили достаточно сил в изучение и поддержку языка, они считают, что им было лень заниматься, т.к. это и не нужно. Те, кто изо всех сил старались не выходить из своей первоначальной культуры, считают, что все другие ей в подмётки не годятся. Как всегда при изучении языков, встаёт вопрос о врожденной предрасположенности к усвоению многих языков, об усидчивости и т.п. Исследования полиглотов показывают, что владение многими языками не всегда связано с коммуникабельностью, общительностью: часто много языков знают и активно используют кабинетные ученые. Напротив, социально активные люди часто не доучивают языки до совершенства, зато они получают удовольствие от их употребления, находят себе друзей, много и охотно говорят на языках. Константинопольский патриарх Варфоломей – духовный руководитель 300 миллионов православных в мире. Он говорит на семи языках, но, по его словам, ни на одном из них в совершенстве.

Вышесказанное заставляет прийти к выводу о том, что все варианты двуязычия имеют право на существование, но по-разному применимы в обществе. Любой уровень владения иным языком важен и в каких-то обстоятельствах достаточен. Например, если вам интересен греческий язык для летних поездок, вы, может быть, никогда не будете читать на нем художественную литературу. По-итальянски вы станете анализировать кулинарные рецепты, по-французски – слушать и петь песни, по-немецки – разбирать и применять инструкции к приборам и т.п. Все варианты взаимодействия полезны, предполагают минимальный уровень владения грамматикой, хорошее знание специфической лексики и поддаются совершенствованию.

Многоязычие предполагает некоторую связь с обстоятельствами употребления языка, и очень многие люди этим и ограничиваются. Так, говорят: зачем учить английский, если я никуда не собираюсь ездить, а по-

русски тоже есть что почитать, к тому же все интересные фильмы на русский дублируются. Или: какое мне дело до того, как живут в Африке, если у меня и дома проблем хватает. Везде все плохо, так зачем мне чьи-то чужая головная боль, мне бы со своей разобраться. Даже добавляют: понадобится выучить язык – выучит, ведь другие же учат. И все это без понимания того, что свои проблемы легче решать, когда видишь и понимаешь, как решают их другие. Не вникая, что знание иных языков развивает мышление, что, опять же, способствует преодолению трудностей. Наконец, упускают из виду, что для овладения иными языками есть важные периоды жизни, когда нужно начинать их изучать. Иной тип аргументации: языков в мире так много, что выучить их невозможно, да и времени на это нет. Лучше заработать много денег и нанимать квалифицированных переводчиков.

Проблемами многоязычия занимается не одна наука, а несколько. Есть исследования нейрофизиологов, психологов, социологов, литературоведов, педагогов, лингвистов, а также в междисциплинарном плане. Если исследовать двуязычие изолированно, нужно углубиться в то, как человек говорит, как употребляет языки, что на каком языке знает, может сказать, как языки переплетены друг с другом, какое при этом ощущают воздействие друг на друга. Говорят и о дефицитах: что не усвоено, усвоено не полностью, усвоено как-то особенно на каждом из языков. Однако человек существует не в идеальной ситуации внутри себя, а в обществе, и поэтому важно не столько то, как языки могли бы быть реализованы, сколько то, как они участвуют в жизни практически. Все это сказывается на том, в какой степени индивид способен разделять и не смешивать языки на всех их уровнях (звук, слог, слово, словосочетание, предложение, текст – в плане фонетики, морфологии, синтаксиса, семантики, дискурса), насколько ему важно и интересно общаться на каждом из языков, как удастся чередовать их в быту и в ответственных жизненных ситуациях, какова палитра стилей говорящего. Как ни странно, при восприятии собеседника мы чаще обращаем внимание, с каким акцентом он говорит, и в зависимости от этого регулируем свое восприятие этого человека,

в то время как на смысловую сторону речи обращаем внимание во вторую очередь. Так сказать, «по одежке встречают». Поэтому, хотя произношение с точки зрения содержания вещь второстепенная, для первичной оценки говорящего она может иметь очень большое значение. Как раз в дошкольном возрасте фонетика и просодия усваиваются достаточно легко.

Известная социолингвистическая формула Дж. Фишмана гласит: важно, кто, где, когда, с кем говорит. К ней можно добавить иные вопросы: сколько, о чём, в каком стиле, как, с какими целями и т.п. Обычно в семье, группе, классе устанавливаются определенные правила, кто, с кем, когда, на каком языке разговаривает, хотя со временем они могут меняться.

Владение языком не абсолютно, а относительно. Тот, кто отлично сдал все тесты по языку, может не справиться в конкретных обстоятельствах, когда нужно быстро ответить на какой-то вопрос. Наоборот, тот, кто хорошо знает предмет, может подчас объяснить свою идею и на пальцах, и при помощи рисунков, хотя бы он не знал языка. Кто-то, кто легко говорит со сцены, может не справиться в разговоре с детьми, и наоборот. Прочитавший в оригинале все произведения английской классической литературы часто попадает в тупик в элементарной ситуации на британском рынке, где звучат в изобилии обороты разговорной речи, а те, кто так говорит, не владеют литературной нормой и не в состоянии переформулировать свои высказывания.

На языковую способность оказывают влияние и исходные психосоматические особенности: строение артикуляторного аппарата может не дать произнести некоторые звуки, психофизиологическая специфика сказывается на типах произносимых высказываний, некоторые недостатки восприятия и производства речи – на появлении определенных вариантов ошибок и т.п. Важно, чтобы каждый из языков существовал как единое целое, желательно, чтобы без дефицитов, но самое главное – чтобы хотя бы один язык был развит в полном объеме, соответствующем возрастной норме.

Ошибки являются неотъемлемой частью языковой способности. Программа проверки орфографии то и дело подчеркивает неправильно

написанные слова и сомнительные с точки зрения синтаксиса и пунктуации места, при этом мы расцениваем как норму, что не все можем сразу написать правильно. В устной речи мы часто оговариваемся, но не всегда исправляем свои недочеты. Мы придумываем ad hoc (для данного случая) слова, которых нет в словаре, потому что мы считаем себя носителями языка, способными к производству неологизмов. Читая блоги в Интернете, мы нередко обнаруживаем, что огромное количество людей пользуется иными словами, чем мы привыкли (например, www.lingvo.ru/goroda), допускает вольности в обращении с правилами, а также считает возможным нарочно, в рамках стилевой игры, писать неправильно. Все это оказывается допустимым. Однако к человеку, который выучил русский язык как иностранный, претензии иные. Кажется, что они носят часто снисходительно-поощрительный характер. Тем не менее, только естественно, что кто-то, кто учил язык не как родной, допускает в нем ошибки. По характеру отклонений от нормы можно установить, какой природы допущенная ошибка: человек не выучил правило родного языка, иностранного языка, сбился и спутал одно правило с другим, творчески придумал что-то новое или пошутил.

Когда-то Роман Якобсон, один из отцов современного языкознания, сказал, что для него билингвизм – это фундаментальная проблема лингвистики. Действительно, возможность знать не один, а несколько языков и пользоваться ими в зависимости от обстоятельств заставляет задуматься о речевой способности вообще: как же она устроена, если такое возможно? Что тогда представляет собой знание языка вообще? Что входит в обязательный багаж носителя языка, что входит в структуру языка как явления? Более того, носители языка так по-разному говорят, так по-разному владеют языком, но, тем не менее, понимают друг друга. Как это вообще возможно?

Способы усвоения языков в раннем детстве отличаются от тех, которые применяются начиная с 7-10 лет (некоторые называют этот рубеж «после смены зубов»). Дошкольники, с которыми достаточно часто, регулярно, в разнообразных жизненных ситуациях говорят на определенном языке,

способны усвоить его так же, как первый по времени усвоения язык, но только тогда, когда им действительно приходится много его слышать и много на нем отвечать. Это не формальное обучение, а естественное общение. Оно должно быть достаточно насыщенным, разнообразным и регулярным, чтобы охватить все сферы речеупотребления, свойственные данному возрасту.

Удивительным эффектом раннего начала изучения второго языка становится дальнейшее сохранение языковой способности: получается так, что она как бы оттренировывается и в дальнейшем может продолжать служить важную службу: последующие иностранные языки усваиваются легче и более качественно. Однако и в более старшем возрасте люди способны изучать иные языки, особенно тогда, когда у них есть для этого важная мотивация. Утешает и то обстоятельство, что если в раннем детстве язык не был выучен без ошибок, то владение можно отточить в последующем.

Взрослый человек способен выучить иностранный язык по учебнику быстрее, чем ребенок, погруженный в интерактивную ситуацию. Взрослый быстрее обобщает и старается выстроить систему, основанную на его представлениях об устройстве языков вообще, а ребенок гибко подражает и подравнивает свои высказывания под то, как ведут себя носители языка. Взрослый не может, оказавшись в ситуации, где вокруг него говорят на незнакомом языке, вести себя «по-детски»: стоять, не реагируя, повторять за другими их высказывания, пытаться играть в игры, копируя слова и жесты других людей. Ребенок, в свою очередь, не может заучивать и применять правила, переводить с языка на язык (он обычно действует ситуативно), следить за правильностью грамматики. Взрослый считает, что его постоянно оценивают, а ошибки вредят его репутации, в то время как ребенок не регистрирует ошибки как что-то неприятное (если ему специально на них не указывают), просто продолжая говорить. Устный и письменный перевод – особые умения, профессия. Билингвы по большей части говорят на каждом из языков независимо, они лишь изредка сознательно подравнивают то, что говорят на одном языке, под другой.

Хорошее знание двух и более языков предполагает возможность пользоваться при необходимости выборочно средствами другого языка в процессе речи на первом языке и наоборот. Иными словами, языки иногда приходится смешивать. Если смешение происходит из-за того, что на одном языке говорящий знает слово, а на другом не знает, то результат не всегда выглядит убедительно. Стилистическая игра с языковыми явлениями тоже имеет место. Это явление, называемое «сменой кода», широко распространено в двуязычных компаниях и сообществах. Иногда переход с языка на язык происходит в зависимости от того, к кому обращаются (адресат лучше или хуже знает соответствующий язык или существует традиция всегда обращаться к нему на этом языке). Иногда переход происходит внутри предложения, например, его провоцирует имя, междометие, необходимость использовать какое-то меткое выражение, идиому иного языка. Иногда же смешение имеется прямо внутри слова: к корню одного языка присоединяется приставка, суффикс, окончание другого языка. При активном и творческом пользовании многими языками часты слова-гибриды, новообразования, шутки. Часть этих явлений возникает сознательно, часть – спонтанно. По отдельности каждое из них может встретиться у любого человека, владеющего несколькими языками. Однако есть и такие пользователи языков, которые не могут говорить, не смешивая языки, поскольку не знают одного из них или обоих в полном объеме.

Если пользователей, использующих смешанные варианты языка, достаточно много и их языковая компетентность может быть сравнима друг с другом, то говорят о появлении новой контактной разновидности языка.

Интересный вопрос для любого тестера языка (проверяющего уровень его развития) – какой из двух языков билингва лучше сформирован, в каких частях, почему, в какой области языком сильнее (чтение и письмо – каких типов текстов, восприятие на слух – аудирование, говорение – самостоятельная речь и участие в беседе) владение. Однако выводы, которые он сделает, будут существенны только для ситуации здесь и сейчас и не будут иметь

прогностической силы, т.е. трудно будет сказать, что случится с каждым из языков в дальнейшем, как они будут развиваться. Однако при тонком анализе языковой продукции удастся показать, в чем особенности владения речью у данного индивидуума и составить рекомендации по его совершенствованию.

Большое значение для употребления языка имеет его престиж в обществе. Он складывается из его официального статуса (придаваемого законодательными документами данной страны) и фактической роли в социуме. В некоторых случаях государственные органы не способствуют изучению какого-то языка, но люди сами вкладывают средства для того, чтобы его выучить. Или какой-то язык навязывается для изучения как обязательный, а народ этому сопротивляется. Или люди тайком изучают язык и боятся сказать, что они его знают. В нормальном случае государство поддерживает изучение тех языков, которые выгодно знать не только сегодня, но и думает о завтрашнем дне, о тех языках, которые будут нужны в будущем. Язык не так быстро выучивается, необходимо выполнение некоторого количества упражнений, механического запоминания, вообще, особых условий и времени. Поэтому, в частности, следует использовать уже имеющиеся знания иммигрантов для формирования банка знаний в области разных языков.

Языковая политика государства включает в себя не только рекомендации по употреблению, поддержке и преподаванию государственных языков, языков меньшинств, иммигрантов и иностранных, но и лимитирует формы и принципы, в которых допустимо функционирование языков. При этом настроение масс может не совпадать со спускаемыми сверху установками.

Каждый язык задает свою систему представлений о мире, которая усваивается в первую очередь вместе с языком, на котором происходит первичная социализация ребенка в семье. Она затем уточняется по мере вступления ребенка в иные социальные связи и отношения – с друзьями во дворе, в детском саду, школе, благодаря чтению книг и просмотру фильмов, компьютерным играм и использованию Интернета. Между языками очень много общего, например, всегда есть звук А, названия действий и предметов,

наименования частей тела. Но есть и различия: например, в русском языке не различаются слова, обозначающие названия пальцев ног и рук, как во многих других языках, но различаются *шаль*, *платок* и *косынка*. Таких примеров в языках множество. Некоторые различия имеют принципиальное значение, а другие интересны как отражение определенной культуры.

С вопросом языка также связан вопрос об идентичности. Такие вещи, как национальность родителей и прародителей, гражданство по паспорту или по убеждению, местожительство и наличие собственности в какой-то части земного шара влияют на ощущение принадлежности к какому-то государству, большинству или меньшинству. Человек идентифицирует себя с кем-то, видит в себе какие-то важные черты. Однако взрослые нередко отказывают ребенку в праве на самоидентификацию со сказочными героями, с дельфинами, с хулиганами из соседнего дома. Они запрещают ребенку считать, что он прилетел с другой планеты, что на самом деле его мама – добрая фея или медведица из зоопарка, хотя это только попытки самоопределения. Если же взрослый говорит, что в прошлой жизни он был собакой или это его десятое рождение, а раньше он был индейцем из Южной Америки, в этом видят проявление душевной тонкости. Можно заметить, что определение самого себя происходит в зависимости от обстоятельств: иногда экзотичней рассказать о том, что в тебе есть капля африканской крови, а иногда ценятся только чистые линии принадлежности к большинству.

Иностранный язык при определенных обстоятельствах может стать близким и часто используемым, например, если ребенок уезжает учиться за границу, он может забыть первый язык (происойдет аттриция, размывание языковых навыков; говорят и о субтрактивном двуязычии), зато второй станет доминирующим, активно используемым, на нем будет защищена диссертация и написана книга. Еще один тип изучения языка – восстановление наследственного. Бывает так, что ребенок носит фамилию, встречающуюся среди народа, языком которого он не владеет. Или в семье хранятся вещи прабабушки, говорившей на каком-то языке, который мама понимает пассивно,

а ребенок и вовсе знает только отдельные слова домашнего обихода. Родители или сам ребенок решают, что такой язык должен быть выучен, и овладев им, «наследник» возвращается к корням.

Немецко-курдско-турецкие трилингвы в Германии не живут все в одном городе, редко общаются друг с другом, но, если проанализировать их языковую способность, демонстрируют примерно одинаковые навыки в немецком, курдском и турецком. Они встречаются иногда на каких-то «Неделях турецкого кино», летают на родину в одних и тех самолетах, отвозят детей на лето к бабушкам, отдают в одни и те же школы, покупают еду и книги в одних магазинах, иногда даже голосуют за одних и тех же депутатов, представляющих их интересы на муниципальных, земельных и общегерманских выборах. Некоторые из них воспитывают четырехязычных детей с русскими женами. Если такие семьи возвращаются в Турцию, они могут получить более интересную работу, воспитывать своих детей в более однородной среде, опираться на помощь родственников. Немецкий язык будет постепенно забываться, но турецкое влияние, напротив, усиливаться. Курдский язык получает поддержку только в том случае, когда семьи переселяются в однородные по языку районы или дружат между собой, а также в случае, если они предпринимают специальные усилия по общению на этом языке.

Кем будет считать себя двуязычный ребенок, когда вырастет? Хочется надеяться, что он будет, прежде всего, человеком, а затем уже кем-то по национальности. Он сможет выбрать, в каких ситуациях он чувствует и ведет себя как русский, а в каких – как кто-то еще. Гибкий подход к самоидентификации позволяет избежать суеверий. Российские цари и царицы считали себя русскими, но русский язык часто был всего лишь одним из тех, на которых они говорили если не с рождения, то с молодости. Некоторым людям важна вера, а другие считают, что русский язык не обязательно предполагает исповедание православия или знание церковнославянского языка. Некоторые болеют за российских спортсменов или певцов на Евровидении, а среди них есть представители разных народов России и мира, в частности, дагестанцы,

татары, кабардинцы, удмурты. Русский язык является государственным языком России с ее 160-ю языками, соответственно, следует идентифицировать себя со званием «россиянина», а не русского. Знание русского языка не делает из человека ни русского, ни россиянина, но открывает горизонты русской литературы, истории, культуры и русской души. Аналогичные процессы происходят и при изучении других языков.

Сохранение малых языков России требует активного билингвизма. Знание только одного – локального – языка приводит к несправедливой обособленности от общероссийской жизни. Переход к общению исключительно на единообразном русском языке чреват потерей важных культурных компонентов местной жизни, к забвению исторических ценностей народов России. Так, диалекты России, не будучи поддержанными школьным обучением, ушли в прошлое, осталась только региональная окраска русской речи. Чтобы этого не произошло с языками народов России, нужно активно употреблять их в общении с маленькими детьми. В семьях, по возможности, следует говорить с детьми на этих языках, читать, играть, водить в те места и на те мероприятия, где можно услышать этот язык. Так создается инфраструктура общения: магазины, парикмахерская, кружки, галереи, где можно пользоваться данным языком. Окружающие должны быть терпимы к тому, что они не все понимают из речи на ином языке, поддерживать стремление передать такую ценность, как язык, следующему поколению.

Поддержка языка в семье, пользующейся иным языком, чем тот, на котором говорят в окружении, налагает особую ответственность на домашних: они должны помочь ребенку довести развитие речи до высокого уровня. Если в какой-то момент «подача» языка прекратится, то язык застынет на том уровне, до которого успел дойти, фоссилизироваться. Родителям и самим следует подпитывать свой язык, чтобы он не коснел, был современным. Нужно запастись вспомогательными материалами для подпитки языка. У ребенка должна быть возможность общаться со сверстниками и с другими носителями языка, мотивация к употреблению разных форм языка. В зависимости от среды,

ребенок может то лучше говорить на одном, то на другом языке (альтернативное двуязычие).

Формирование двуязычия в семьях, где один родитель является носителем одного языка, а другой – другого, начинается с рождения. Каждый из родителей старается говорить с малышом на своем родном языке, чтобы он стал ему близким и понятным. Тогда ребенок овладевает им естественно, в ходе общения. В раннем возрасте дети, если языки вокруг разделяются, могут их и сами разделять. Они понимают, кто на каком языке говорит, что на каком языке можно сказать, и достаточно легко переходят с языка на язык. Возможен перенос слов, звуков, конструкций одного языка в другой (трансфер), иногда – создание двойных форм, иногда – временное отставание в изучении языка. Однако через какое-то время все языковые формы занимают свои места в системе и нормализуются. В некоторых случаях, когда общество довольно активно настаивает на употреблении своего языка, ребенок может понимать, но не отвечать на языке кого-то из родителей, но в последующем все равно выравнивает свои способности, если продолжать говорить с ним на этом языке и его поддерживать.

Семейное общение – неформальное, дающее поблажки, пропускающее всем понятные описания, бесконечно повторяющее одни и те же рассказы, например, из собственного опыта. С точки зрения обучения языку оно должно быть интенсифицировано, сделано более системным. Нужно более сознательно и подробно разговаривать с ребенком, объяснять, называть, озвучивать связи между предметами, добавлять какие-то ассоциации, с тем чтобы ребенок видел положительный пример использования речи.

С владением языком отчасти связано и умение вести себя в определенных сообществах: что, как, кому, с какой интонацией говорить, какие жесты употреблять, какие темы уместны, какие запрещены. Вокруг любого языка существует огромное количество коннотаций, ассоциаций, аллюзий, дополнительных связей каждого слова и явления с другими, и все вместе они образуют языковую компетенцию. Нет ни одного человека, который владел бы

всеми стилями даже своего родного языка, настолько сложно воспринять и переработать всю необходимую для этого информацию.

Русскоязычным семьям в национально-территориальных образованиях также рекомендуется знакомиться самим и знакомить детей с местными языками. Для этого также организуются кружки, группы. Жить в местности, где существуют исторически иные языки, чем русский, и не приобщаться к традициям, культуре, языкам этих народов – значит, не ощущать своей связи с непрерывным ходом истории, лишиться важнейшей части самосознания. Даже пассивное или рецептивное знание языка помогает приобщению к компонентам народной жизни. Часто даже те, кто временно приехал в гости, успевают овладеть словами приветствия, прощания, благодарности, извинения, счетом, восклицаниями восторга, радости, осуждения. Эти мелкие единицы речи помогают войти в контакт с окружающими и являются формой проявления уважения по отношению к коренным жителям данной местности. Те же, кто живет там постоянно, должны усвоить гораздо больше.

Двуязычный детский сад или двуязычная школа поддерживают каждый из языков, и они развиваются во все большем объеме. Очень важно, чтобы владение каждым из языков совершенствовалось, чтобы они не отставали друг от друга. Но и к концу школы овладение языком не заканчивается: человеку предстоит овладение профессией, специализация, присвоение умения вступать в контакт с разными людьми, отстаивать свою точку зрения, формулировать просьбы, запреты, проекты и т.п. Всему этому учатся, как правило, во взрослом возрасте.

Двуязычие, многоязычие, владение несколькими иностранными языками – это не определяющие факторы в человеческой жизни. Важнее многое другое: социальная среда, здоровье, педагогические усилия близких, педагогов, сбалансированное развитие. Эти факторы оказываются более важными для оценки успеваемости, а не сугубо языковые навыки. В то же время недонагрузка, за которую часто ратуют, приводит к недоразвитию,

формированию недостаточных умений, особенно по сравнению с тем, что могло бы быть.

Изучение языков – не лишняя нагрузка, а способ сохранения и развития умственных способностей. Только один язык ограничивает поле зрения, сужает горизонт, не дает возможности сравнения одного языка с другим. Нет ничего плохого в том, чтобы на одном языке читать стихи, на другом – молиться, на третьем – учиться в университете, на четвертом – говорить с друзьями, на пятом – работать и т.п. Для многих местностей в мире и даже в России это повседневная реальность.

Мигранты не всегда положительно воспринимаются большинством. Большинство, подчас без причин, бывает настороженно или враждебно настроено по отношению к приезжим. Принимающая сторона не всегда поддерживает изучение языков новых членов общества их детьми, не относится к ним как к равным, не вступает в дружеские отношения с ними. В этом случае интеграция замедляется, а мигранты оказываются в положении изоляции, своеобразного гетто, что еще больше отдаляет их от большинства и создает очаг напряжения.

Двуязычие и бикультурность в образовании имеют разные варианты оформления и проведения в жизнь. Как и в двуязычной семье, за каждым педагогом может быть закреплен определенный (его родной) язык, а кто-то может вести занятия на двух языках (например, перевод). Занятия могут дублироваться на двух языках, взаимно поддерживать друг друга, дополнять содержание или быть абсолютно разными. Преподают не только языки сами по себе, но и предметы на языках, например, история, география, рисование, физкультура. Иногда администрация принимает решение о том, что экзамены проводятся только на одном из языков, а иногда – на каждом из изучаемых.

Успешное двуязычие – не исключение, но становится правилом при сочетании усилий множества людей. Это не одномоментно решаемая задача, а растянутое по времени по крайней мере на несколько лет вложение, которое приносит высокие проценты. Пока такие люди мало заявляют о себе, поэтому

все общество в целом не уверено в правильности многоязычного выбора. Мультилингвизм стирает границы, умножает возможности, дает прожить несколько жизней.

В мультилингвальной стране следует больше подчеркивать ее богатство – наличие множества языков. Следует иметь больше надписей на разных языках, аудиозаписей, произведений народного творчества, радио- и телепередач, театров, фильмов на разных языках. Институциональная поддержка интеркультурности связана с воспитанием толерантности к разным выговорам, типам акцентов, с интересом как к фольклору, так и к современным достижениям разных народов.